

A movie poster for the film 'Семейные тайны' (Family Secrets). The top half features a close-up of a woman with blonde hair, looking intensely at the camera while holding a handgun. The bottom half shows a dark car with its headlights on in a narrow, dimly lit street at night, with bare tree branches in the foreground. The title 'СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ' is written in large red letters at the bottom, and a tagline is centered in the middle.

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

И ЧТО ПЛОХОГО
В ДВУХ ПРЕДУМЫШЛЕННЫХ
УБИЙСТВАХ?

СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Семейные тайны

«PEN-клуб»

2012

Абдуллаев Ч. А.

Семейные тайны / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2012 — (Дронго)

Молодая немка Эмма Вихерт пригласила знаменитого сыщика Дронго в Потсдам на юбилей своей пожилой родственницы. Эмма знакома с Дронго уже много лет и прекрасно осведомлена о его уникальных способностях. Именно потому она больше других была заинтересована в том, чтобы международный эксперт присутствовал на юбилее. Как говорится, на всякий пожарный. Потому как женская интуиция подсказывала Эмме, что на банкете может произойти нечто из ряда вон выходящее. И молодая женщина не ошиблась – в самый разгар застолья виновница торжества Марта была отравлена смертоносным ядом. Дронго немедленно приступает к расследованию и сразу понимает, что убийца... ошибся.

© Абдуллаев Ч. А., 2012

© PEN-клуб, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Чингиз Абдуллаев

Семейные тайны

Глава 1

Дронго шел по улице, направляясь к своему отелю. Накрапывал дождик. Ему всегда нравился дождь. Возможно, потому, что в его родном городе дожди были не столь частым явлением. Он помнил тропические ливни на экваторе, в сельве или в тропиках. А это был мелкий интеллигентный немецкий дождь, почти незаметный, даже если долго стоять под распахнутым небом. Но прохожие привычно ускоряли шаги, доставали зонтики, торопились в свои машины или под защиту соседних домов. А Дронго продолжал так же спокойно идти дальше, словно на прогулке, не обращая внимания на этот мелкий дождь. Он даже не поднимал воротника своего плаща, словно привык гулять именно под таким дождем в этом небольшом немецком городе. Мимо прошла женщина, закрывавшаяся от дождя темным зонтиком. Дронго посторонился, пропуская ее, когда она чуть подняла голову и неожиданно остановилась. Он непроизвольно ускорил шаг.

– Дронго? – услышал он уже за спиной голос.

Можно было сделать еще несколько шагов и завернуть за угол, но он остановился и оглянулся. Он мучительно пытался вспомнить, где именно он мог видеть эту незнакомку. Обычно не подводившая память на этот раз не давала никакой подсказки. Она отказывалась повиноваться. Значит, он никогда не видел этой женщины. Но она назвала его прозвище.

– Простите, – сказал он по-английски, – я не владею немецким. В конце концов, слово «Дронго» на всех языках звучит одинаково.

– Ничего страшного, – улыбнулась незнакомка, – я говорю по-русски. Вы ведь знаете этот язык?

– Конечно. Простите, я не могу вас вспомнить...

– И не пытайтесь. Вы меня не вспомните. Десять лет назад я была в Астане, когда вы приезжали туда и встречались с Муканом Бадыровым. Мне было тогда немногим больше девятнадцати. Я дружила с его младшей сестрой. Мы вместе учились. И однажды, когда мы были в кафе, вы зашли туда вместе с ее старшим братом. Он нас и познакомил. А потом его сестра целый год рассказывала мне о том, какой вы интересный человек и какой удивительный сыщик. Там была какая-то загадочная история, о которой она так и не смогла мне все рассказать. Что-то очень секретное и непонятное. Но самое поразительное, что мы, выйдя из кафе, сфотографировались. В последнее время я часто смотрю на эту фотографию.

– Вместе со мной? – не поверил Дронго. – Я обычно не фотографируюсь.

– Не с вами, – снова улыбнулась женщина. – Мы сфотографировались с подругой, а вы сидели с Муканом за столиком в кафе. В этот момент нас осветило солнце, и вы случайно оказались на фотографии за стеклом. Я столько раз видела ваше лицо, что поневоле его запомнила. К тому же у вас с Муканом были романтические профессии. Сыщиков...

На этот раз улыбнулся Дронго.

– Теперь вспоминаю. Я еще тогда подумал, что могу оказаться на фотографии за стеклом, но не думал, что снимок получится четким. Обычно я сажусь в глубине зала, чтобы не попасть в такое глупое положение, но вы тогда сидели за столиком недалеко от входа, и нам пришлось разместиться за другим столом. Вы еще куда-то торопились.

– Неужели вспомнили? – поразила женщина. – Прошло столько лет. Мы торопились на семинар. Ой, кажется дождь усиливается! Может, нам лучше где-нибудь его переждать?

– Рядом есть кафе, – показал Дронго на соседнее здание, – только на этот раз сядем подальше от входа.

– Обязательно, – согласилась женщина.

Дождь усиливался, и они побежали в кафе. За столиком в глубине зала женщина сложила зонтик, сняла свой тренч и вместе с зонтом повесила его на вешалку. Дронго снял плащ и уселся напротив. К ним подошла официантка.

– Кофе эспresso, – попросила незнакомка. – А вам?

– Чай, – ответил Дронго.

Официантка, кивнув, отошла.

– Давайте познакомимся, – предложила женщина. – Эмма Вихерт, по мужу Эмма Буземан.

– Меня обычно называют Дронго, – пробормотал он привычную фразу, – хотя об этом вы, кажется, знаете.

Ей было около тридцати. Рыжеволосая, с немного вытянутым носом, острыми чертами лица, большими зелеными глазами, которые сразу запоминались. Дронго еще в тот раз, когда увидел ее впервые, подумал, что эта девочка обещает вырасти в настоящую красавицу. Десять лет назад глаза были гораздо меньше, не было намечавшихся складок у губ, такого пристального, внимательного взгляда. И тогда она не называла своей фамилии. Просто сказала, что ее зовут Эмма.

– Я уже тогда понял, что вы не казашка, – сказал Дронго, – но я думал, что вы еврейка или украинка.

– Немка, – пояснила Эмма. – В Казахстане после войны оказалось много немцев. Это были не столько пленные, сколько выселенные из Поволжья немцы, высланные туда целыми семьями. Моего деда переселили туда с четырьмя детьми. Дед был коммунистом, но это не помешало Советской власти отправить его со всей семьей в Северный Казахстан. Мой отец был младшим сыном. Кстати, насчет украинки вы правы. Моя мама наполовину украинка. И наполовину русская. Собственно, именно поэтому мы остались в Казахстане, когда в девяностые многие этнические немцы покидали республику, переезжая в объединенную Германию.

– А вы остались в Казахстане? – понял Дронго.

– Остались. Я и моя старшая сестра. Но через два года тяжело заболела мама, и мы решили, что нам все же лучше переехать в Германию. К тому времени мы обе уже получили высшее образование и решили, что так будет лучше. Поэтому и переехали сначала в Ганновер, а потом в Кельн. Маму, правда, мы не спасли, она умерла через год после нашего переезда.

– И вы вышли замуж, – предположил Дронго.

– Только пять лет назад, – пояснила Эмма.

– И уже успели разойтись. – Он не спрашивал, а утверждал.

Она удивленно взглянула на него.

– Я сказала, что по мужу я Эмма Буземан, но не сказала, что развелась.

– Это мое предположение. Переезжающие в Германию бывшие советские граждане пытаются соответствовать местным традициям, ничем не выделяясь от остальных немцев. Поэтому многие отдают дань традиционным семейным ценностям и носят обручальные кольца. У вас такого кольца уже нет. Вы окликнули незнакомого мужчину, которого видели десять лет назад. Не думаю, что вы меня могли так хорошо запомнить, даже если сестра Мукана столь восторженно обо мне говорила. В студенческие годы такие вещи быстро забываются. Но вы сказали, что в последнее время довольно часто смотрите на эту фотографию. Это не обычная ностальгия, а некое разочарование вашим браком, когда подсознательно вы вспоминаете лучшие годы, проведенные в Казахстане. Я не прав?

– Правы, – вздохнула Эмма, – я не забыла, что вы сыщик.

– И еще один фактор, – продолжал Дронго. – Вы не хотите, чтобы кто-то узнал о ваших семейных проблемах. Поэтому подсознательно, представляясь, сначала называли свою девичью фамилию, а затем сообщили мне вашу нынешнюю фамилию по мужу. Вот я и сказал, что вы успели разойтись, а не развестись. Очевидно, вы еще находитесь в стадии этого мучительного процесса.

– Все правильно, – согласилась Эмма, – наш судебный процесс еще не завершен. К сожалению, мои иллюзии быстро закончились. Слишком явное несовпадение наших взглядов. Наверно, мне следовало подумать об этом прежде, чем выходить замуж. Он вырос в Германии, а я сначала в бывшем СССР, а потом в независимом Казахстане, который в первые десять лет был типичным осколком бывшего Советского Союза. Сейчас, говорят, там тоже многое изменилось.

– Эпоха перемен, – напомнил Дронго. – Вам еще отчасти повезло. Когда происходили все эти потрясения, вы были маленькой девочкой. Сколько вам было лет в девяносто первом году?

– Девять, – засмеялась Эмма. – Здесь вы тоже правы. Я не совсем понимала, что происходит. Потом, уже в университете, начала осознавать, что именно произошло. Что мы потеряли в результате всех этих потрясений. Собственно, когда мама заболела, мы уже внутренне были готовы к отъезду.

– И тогда решили переехать в Германию?

– Да. К этому времени почти все наши немецкие родственники уже давно переехали в различные немецкие города и сумели неплохо адаптироваться. Здесь вообще много русских, я имею в виду даже не этнических русских, а всех, кто приехал сюда из бывшего Союза. Это не только этнические немцы, но и русские, украинцы, прибалты, кавказцы. Всех называют «русскими». Есть много евреев, которые приезжают по особой программе, ведь немцы до сих пор чувствуют свою ответственность за ужасные события, которые произошли здесь в тридцатые-сороковые годы прошлого века.

– Это я знаю, – кивнул Дронго. – Обычно, когда меня спрашивают, говорю ли я на немецком, я отвечаю, что знаю два первых языка Германии и третий знать мне совсем не обязательно.

– Два первых языка? – заинтересовалась Эмма. – Ах да, конечно. Русский и...

– Турецкий, – пояснил Дронго. – Когда гуляешь по улицам немецких городов, слышны разговоры только на этих двух языках. Говорят, что в Германии живут три миллиона турок и еще больше выходцев из бывшего Союза.

Эмма беззвучно рассмеялась. Официантка принесла ее кофе и его чай.

– Это правда, – подтвердила женщина. – Немцы с удовольствием принимали всех, кто хотел сюда приехать. Но я думаю, что эта практика уже закончилась. Теперь они встревожены подобным наплывом иммигрантов из стран Восточной Европы и Азии. И уже думают о том, как решительно сократить этот поток. Я слышала, что недавно даже принят закон, разрешающий сотрудникам полиции останавливать любого прохожего и проверять его документы, если он выглядит подозрительно.

– Европейские лидеры считают, что эпоха мультикультуризма потерпела крах, и теперь переходят к пассивной обороне, – сказал Дронго. – А если так пойдет дальше, то очень скоро они перейдут к агрессивной наступательной политике. Президент Франции Саркози уже открыто говорит о том, что они готовы даже выйти из Шенгенского соглашения. Наверно, правильно. В Европе оказалось слишком много инородцев и людей, не принимающих современную европейскую ментальность и культуру. Шесть миллионов мусульман во Франции, пять миллионов – в Германии, четыре миллиона – в Великобритании – цифры впечатляют и пугают. А среди приехавших попадаются и не самые добропорядочные граждане. Достаточно вспомнить «тулузского стрелка», который застрелил трех маленьких еврейских детей. И он оказался этническим арабом, но гражданином Франции.

– Это было ужасно, – согласилась Эмма, – просто ужасно. Я помню об этой трагедии. Я могу узнать: как вы оказались в этом городе? Баден-Баден известен в Германии как город, где есть известные казино. Такой маленький Лас-Вегас. Говорят, что здесь любили играть даже Достоевский и Тургенев.

– И многие другие, – усмехнулся Дронго. – Но я не люблю ходить в казино. Глупо играть, когда у тебя небольшие шансы выиграть у игорного заведения. Но люди непостижимым образом верят, что удача улыбнется именно им и они смогут выиграть. Я не принадлежу к таким «наивным романтикам». Поэтому здесь я оказался проездом. Завтра утром я уезжаю в Берлин.

– И сколько дней вы будете в Берлине? – неожиданно спросила Эмма.

– Наверно, два или три дня. У меня там назначено несколько важных встреч. А почему вы спрашиваете?

– Послезавтра мы собираемся всей семьей в загородном доме моей старшей сестры в Потсдаме, – пояснила Эмма. – Вернее, это дом мужа Анны, моей сестры. Ее муж тоже переехал из Казахстана. Герман Креггер. Но в отличие от нас они переехали в Германию еще в начале девяностых. Возможно, поэтому им было гораздо легче адаптироваться. Они здесь уже почти двадцать лет. А их двоюродная сестра со стороны отца вышла замуж за самого Фридриха Зинцхеймера. Вы, наверно, слышали эту фамилию. Он один из самых известных адвокатов в Германии. Его прадед был одним из создателей новой юридическо-социологической школы еще в начале двадцатого века. Никогда не слышали?

– Нет, не слышал.

– Герман очень гордится родством с этими Зинцхеймерами.

– Надеюсь, у вашей сестры все в порядке? Я имею в виду ее семейную жизнь?

– Тоже не совсем, – вздохнула Эмма. – Нет, если вы имеете в виду ее отношения с супругом, то там как раз все в порядке. Он прекрасный муж, заботливый отец, хороший друг. Но... в каждой семье есть свои «скелеты в шкафу». Так, кажется, говорят про разные семейные тайны.

– Вы филолог по образованию? – уточнил Дронго.

– Да. Специалист по романо-германской литературе, – кивнула Эмма. – Может быть, наша встреча совсем не случайная, как вы считаете?

– Вы чего-то опасаетесь?

– Во всяком случае, ваше присутствие в загородном доме моей сестры было бы более чем желательным, – уклонилась женщина от конкретного ответа. – Учитывая, что я буду там без своего мужа, то ваше появление придаст мне больше уверенности. В конце концов, я до сих пор помню, как вас хвалила сестра Мукана. Вы придете к нам?

– В честь чего у вас прием?

– В честь шестидесятилетия матери мужа моей сестры. Он будет у них в доме. И мне очень хотелось бы вас там увидеть.

– Но меня не пригласили...

– Я вас приглашаю, – быстро сказала Эмма.

– Не могу обещать, – честно признался Дронго. – Возможно, у меня не получится. Я еще не совсем знаю свое расписание в Берлине.

– Понимаю. Конечно, я вас понимаю. Представляю, как вы вообще относитесь к моему приглашению. Вбалмошная рыжая стерва неожиданно встретила человека на улице и вспомнила, что много лет назад ее познакомили с ним и сообщили, что он работает сыщиком. А теперь, после нескольких минут беседы, она неожиданно приглашает его в дом своей старшей сестры на прием в честь ее свекрови. Все это выглядит глупо, не совсем разумно, если хорошенько подумать. Но разве все в нашей жизни нужно подчинять только диктату разума?

– Вообще-то желательно, – заметил Дронго. – Давайте сделаем так. Вы оставите мне свой номер телефона, и я перезвоню вам, когда буду в Берлине. Если получится, я обязательно приеду.

– Здорово, – женщина достала из своей сумочки визитную карточку, протянула ее Дронго. – Как видите, здесь я еще значусь как Эмма Буземан. А у вас есть своя визитная карточка?

– При моей профессии их обычно не носят, – пояснил Дронго, – но я запишу вам номер моего телефона. – Он достал ручку и, взяв салфетку, написал свой номер. Протянул его женщине.

– Спасибо, – сказала она. – Только учтите, что я могу представиться уже как Эмма Вихерт. Не забудете?

– Нет. – Дронго помолчал, а затем неожиданно спросил: – У вас не было детей?

– Слава богу, не успели. Муж оказался таким типичным немецким бюргером – расчетливым, пунктуальным, аккуратным, добросовестным, занудным и заурядным.

– За исключением двух последних качеств, все остальные не столь плохи.

– Возможно. Но если вы не живете с человеком, который ставит кружки и стаканы на раз и навсегда заведенные места, ходит по воскресеньям в церковь, а по субботам утром честно выполняет свой супружеский долг, словно он дал подобные обязательства раз и навсегда. А расходы денег он контролирует, как добросовестный бухгалтер, и отмечает каждую лишнюю выпитую чашку кофе, – фыркнула от возмущения Эмма. – Извините, я, кажется, излишне эмоциональна. Нельзя быть такой машиной в тридцать шесть лет. А он, похоже, уже никогда не изменится. И это при том, что он уже сейчас работает заместителем генерального директора крупной компании.

– Вы его не любили, – проговорил Дронго.

Это был не вопрос, и она нервно отвернулась, не отвечая на утверждение собеседника. Затем достала из сумочки сигареты, щелкнула зажигалкой, закурила.

– Он мне нравился, – сказала Эмма, – и мне казалось, что все будет нормально. Видит бог, я изо всех сил пыталась стать хорошей супругой. Но у меня тоже ничего не получилось. Возможно, я не права и виноват не он, а именно я. В конце концов, вы правильно сказали, что аккуратный и добросовестный муж – не так плохо. Но иногда это надоедает! – Эмма взглянула на часы. – Ой, я опаздываю! Нужно позвать официантку, чтобы нас рассчитали.

– У вас остались привычки от вашего супруга, – заметил Дронго. – Если вы торопитесь, то можете идти. Я думаю, что сумею наскрести денег, чтобы заплатить за ваш кофе.

Эмма в очередной раз улыбнулась и, забрав свою сумочку, поднялась со стула. Он тоже поднялся. Она протянула ему руку.

– Я действительно буду рада видеть вас в Потсдаме. До свидания. Очень рада была вас еще раз встретить. Все равно позвоните, если не сможете приехать, – мне будет приятно. Или я сама решусь еще раз вас побеспокоить и наберу ваш номер телефона.

Она взяла свои вещи и быстрым шагом вышла из кафе. Дронго позвал официантку, расплатился по счету и тоже покинул здание. Дождь уже прекратился. Он повернул в сторону своего отеля.

«Интересная встреча, – подумал сыщик, – нужно будет найти время, чтобы побывать на этом приеме».

Глава 2

Он любил Берлин. Анализируя свои чувства к нему, Дронго отмечал, что этот мегаполис менее всего похож на Лондон или Париж, которыми он тоже восхищался. Но эти города почти не менялись с годами, тогда как Берлин претерпел в последние годы удивительную метаморфозу. Дронго еще помнил те времена, когда грозная стена делила этот город пополам, и это была не просто линия, отделяющая западную часть мегаполиса от восточной. Это была граница, разделяющая два мира и две цивилизации, вынужденные существовать на таком близком расстоянии друг от друга. Он хорошо помнил те времена, когда нельзя было даже подходить к Бранденбургским воротам, где проходила государственная граница. Может, это была обычная ностальгия по молодым годам? Или изменения в Берлине, произошедшие за последние двадцать лет, были столь зримыми, что ему было просто интересно ходить по тем местам, которые раньше считались запретными. Во всяком случае, в первые годы он все время подходил к Бранденбургским воротам, поражаясь происшедшим переменам. А потом началось грандиозное строительство и преобразование центра города, когда словно из-под земли вырастали новые здания, новые станции вокзалов, новые мосты и новые кварталы. Это был по-своему уникальный проект – ведь впервые в центре одного из крупнейших городов Европы осуществлялась такая планомерная и продуманная застройка. Может, поэтому центр города стал гораздо более современным, чем в любой другой европейской столице, делая Берлин по-своему неповторимым городом.

Он еще помнил, когда в городе существовало два центральных вокзала – Восточный и станция у зоопарка, где останавливались все поезда, приходившие в Западный Берлин. Можно было выйти из самого шикарного отеля Западного Берлина – «Бристоля» и увидеть в нескольких десятках метров над собой уходивший поезд.

С постройкой нового многоэтажного железнодорожного вокзала на месте заброшенного пустыря на ничейной земле Потсдамер-платц оба прежних центральных вокзала начали пустовать и потеряли былое значение. Дронго еще помнил, как возводился этот многоуровневый центральный вокзал, откуда уходили поезда в разные части не только объединенной Германии, но и всей Европы. А бывший роскошный отель «Бристоль», в котором останавливались гости знаменитых берлинских кинофестивалей, начал напоминать обшарпанную гостиницу советских времен. Дронго помнил, когда в середине девяностых в восточной части Берлина появился отель «Хилтон», который тоже стал своеобразным символом западной роскоши в восточной части города. Но за пятнадцать лет «Хилтон» тоже потерял прежний лоск и звездность. Недалеко появился роскошный «Вестин», а рядом с Бранденбургскими воротами восстановили претенциозный и монументальный «Адлон», сожженный в сорок пятом во время штурма Берлина. Этому отелю не повезло больше других. В тридцатые годы здесь обычно собирались бонзы нацистской партии, говорят, здесь любил бывать Адольф Гитлер. Разумеется, самые ожесточенные бои шли в центре города, и отель был практически разрушен до основания, ведь он находился недалеко от Рейхстага. Его не стали восстанавливать и после победы, так как эта территория оказалась почти на границе между Восточным и Западным Берлином. И только после того, как стена рухнула и произошло сначала объединение города, а затем и всей страны, было принято решение о восстановлении «Адлона».

А в западной части Берлина открылся отель системы «Штайнбергер», который довольно быстро завоевал популярность у гостей своим удобным расположением и сервисом. Дронго заказал себе номер в «Бристоле», в очередной раз с сожалением отмечая ухудшение качества обслуживания и сервиса некогда одной из лучших гостиниц Европы. Гости традиционных берлинских кинофестивалей ныне предпочитали останавливаться в других отелях, а построенный

в центре города огромный кинотеатр на двенадцать залов находился теперь рядом с отелем «Хаят Редженси».

Свои встречи в этот день Дронго закончил к семи часам вечера и вспомнил про номер телефона, который ему дала Эмма. Хотя нет, он не вспомнил. Он помнил о своей встрече в Баден-Бадене весь день, настолько заинтересовала его эта встреча с молодой женщиной, которая помнила их случайное знакомство десять лет назад. Вернувшись в свой номер, он достал ее карточку, положил ее перед собой на столик и все-таки подумал над тем, стоит ли ему звонить. Так прошло минут десять, и вдруг зазвонил его мобильный телефон.

Дронго быстро ответил:

– Я вас слушаю.

– Добрый вечер, господин сыщик, – услышал он уже знакомый голос Эммы. Она словно почувствовала, что именно в этот момент он колеблется, решая, стоит ли ему звонить. И она позвонила сама.

– Здравствуйте, фрау Вихерт, – ответил Дронго.

– Спасибо, что не называете меня фрау Буземан, хотя на самом деле я все еще продолжаю числиться супругой своего прежнего мужа.

– Полагаю, что ненадолго.

– Я тоже так думаю. Мы разводимся в начале следующего месяца. Вы уже в Берлине?

– Да.

– И вы завтра приедете к нам в Потсдам?

– Пока не знаю. Я ничего не решил.

– Но мы можем увидеться сегодня вечером? – спросила женщина.

– Это приглашение? – усмехнулся Дронго.

– Можете считать и так, – лукаво сказала Эмма. – Где вы остановились?

– В «Бристоле».

– Очень хорошо. Если через час я заеду за вами, мы сможем куда-нибудь поехать и поужинать. Если вы не возражаете.

– Не возражаю, но только с одним условием...

– Каким?

– Платить по счетам будет мужчина. А выбор ресторана на ваше усмотрение.

– Не буду спорить, – рассмеялась Эмма. – Тогда договорились. Ровно через час я буду у вашего отеля. Между прочим, столик в ресторане я уже заказала. До встречи.

Дронго положил телефон на столик и отправился принимать душ. Ровно через час он уже сидел внизу, в холле, на диване, ожидая, когда придет его новая знакомая. Он помнил, как первый раз увидел этот отель еще в эпоху разделенного города, когда само появление советского гражданина в Западном Берлине было редким событием. У отеля тогда расстелили красную дорожку, и швейцар в красивой униформе приветствовал гостей отеля. Дронго тогда прошел мимо, даже не пытаясь войти в отель. В те времена не приветствовались непредусмотренные контакты или появления в подобных незнакомых местах. Да и денег на такие отели тогда у него не могло быть. Как все изменилось за четверть века! Хотя, наверно, по большому счету за прежние четверть века изменения были такими же кардинальными, а если взять еще один отрезок в двадцать пять лет, то почти невероятными. Семьдесят пять лет назад здесь маршировали колонны эсэсовцев, а у власти в стране был бесноватый фюрер. Примерно в это время в Москве и в Баку расстреливали инакомыслящих, и мир потихоньку сходил с ума, готовясь к большой войне. «Тридцать седьмой год... – подумал Дронго. – Поистине были страшные времена. Через двадцать пять лет здесь все еще были развалины, а город был разделен на две враждебные друг другу части. А если взять срок в один век, то тогда Берлин был имперским городом – столицей большой Германии и Пруссии, в которых правил кайзер. Хотя и тогда все шло к большой войне. И уже в двенадцатом году все понимали, что большой войны избежать не

удастся. Наверно, каждый крупный город Европы может рассказать подобные истории, которые будут не менее занимательны и интересны».

Дронго увидел, как в холл отеля поднимается по лестнице Эмма Вихерт. Она была в темном платье и светлом плаще. Рыжие волосы падали ей на плечи. Он шагнул навстречу женщине. Она протянула руку.

– Спасибо, что согласились увидеться, – сказала Эмма.

– Кажется, меня впервые благодарят за то, что я согласился поужинать в такой очаровательной компании, – признался Дронго. – Поэтому перестаньте мне напоминать, что это вы позвонили ко мне и именно вы предложили нам вместе поужинать. Иначе я слишком остро буду чувствовать свою ущербность.

– В таком случае я больше не произнесу ни слова на эту тему, – пообещала Эмма. – Идемте со мной. Я приехала на своей машине.

Они вышли из отеля. Недалеко был припаркован автомобиль. Белый «Фольксваген Пассат». Они прошли к машине. Эмма села за руль, Дронго разместился рядом.

– Куда мы едем? – поинтересовался Дронго.

– Отсюда недалеко, – пояснила Эмма. – Теперь я знаю, что вы известны не только в Казахстане. Я смотрела в Интернете все, что написано про вас. Очень любопытная информация. Оказывается, вы не просто хороший сыщик, а один из самых известных сыщиков в наше время. Там, правда, указано, что вы эксперт-аналитик.

– В Интернете могут написать, что я беременная женщина, – заметил Дронго. – Не нужно верить всему, что там пишут.

– Но насчет аналитика все правильно?

– Любой сыщик или следователь должен быть аналитиком. Иначе он просто не сможет нормально работать.

– Понятно. Мы едем на Унтер-дер-Линден, в ресторан «Марго». Я заранее заказала столик. Узнала у мужа моей сестры, какой ресторан считается одним из лучших в Берлине.

– У этого ресторана есть даже мишленовская звезда, – вспомнил Дронго.

– Вы знаете про этот ресторан? – огорченно спросила Эмма. – А я думала, что сделаю сюрприз.

– Я неплохо знаю Берлин, – сообщил он.

Они ехали через центральный парк.

– Когда вы заказали ужин? – поинтересовался Дронго. – В таком ресторане нельзя сделать заказ после семи вечера. Вы сказали, что уже заказали столик в ресторане, и я подумал, что вы пошутили. Но теперь понимаю, что вы действительно позвонили туда. Неужели вы заранее знали, что найдете меня и я поеду с вами на ужин?

– Не была уверена, – призналась Эмма, – но все равно заранее заказала столик. Заказ всегда можно отменить. Вы считаете меня авантюристкой?

– Я этого не говорил. Но подобный шаг с вашей стороны был смелым.

– Спасибо. Просто я подумала, что так будет надежнее. После того как прочла столько разных сообщений о ваших расследованиях. Оказывается, вы современный Шерлок Холмс.

– Я уже вам говорил, что это преувеличение, – напомнил Дронго.

– Не очень большое. Там указано о стольких ваших расследованиях... Если даже половина из них правда, то вы действительно очень интересный человек.

– Теперь буду знать. Давайте лучше поговорим о вашем завтрашнем приеме. Насколько я понял, он почему-то вас волнует. И вы проявляете странное беспокойство.

– Возможно, вы правы, – призналась Эмма.

Оставшуюся часть пути они молчали. Вскоре машина выехала на Унтер-дер-Линден и остановилась у ресторана. В самом ресторане им принесли меню, и Дронго обратился к Эмме:

– Может, вы мне поможете? Скажите официанту, что я хотел бы заказать их фирменное блюдо – жареную оленину в соусе из красного вина и шоколада. А салаты и закуски может выбрать на свое усмотрение.

– Вы раньше здесь бывали? – спросила Эмма.

– Нет. Но я слышал об этом ресторане, – ответил Дронго. – И вино нужно взять итальянское красное. Самое лучшее сорта «Баролло». Пусть спросит у сомелье, урожай какого года он нам предложит к оленине.

Официант принял заказ и удалился. Почти сразу принесли бутылку красного вина. Прогустив вино, Дронго выражением лица дал понять, что оно ему нравится, и официант разлил вино в высокие бокалы.

– За нашу встречу, – предложила Эмма.

Бокалы почти неслышно соприкоснулись.

– И все-таки, что именно вас беспокоит? – спросил Дронго.

– Душевное состояние одной из женщин, которая завтра будет с нами. Не знаю почему, но я опасаюсь этой встречи и беспокоюсь за нас всех. Она не совсем адекватно воспринимает происходящие события и уже однажды сорвалась...

– Можете рассказать подробнее, – предложил Дронго.

– Дело в том, что сестра матери Германа несколько лет назад находилась в клинике для душевнобольных. Внешне она выглядела почти здоровой, но иногда случались срывы. Просто ужасные.

– Долго она была в этой клинике?

– Полтора года. Потом ее перевели под домашний надзор. Врачи посчитали, что она почти излечилась. Но мы все знали, что тяжелый срыв может произойти в любой момент. И это произошло примерно пять месяцев назад, но по настоянию матери Германа мы не стали сообщать об этом лечащим врачам.

– И теперь она живет вместе со своей сестрой?

– Да. И именно это волнует меня более всего. В любой момент она может выкинуть все, что угодно. Но не это самое печальное. У моей старшей сестры есть девочка. Ей уже шесть лет. И мы с отцом очень опасаемся, что подобный генетический сбой может проявиться и у моей племянницы. А это будет уже настоящая трагедия и для меня, и тем более для моей сестры.

– Ваш отец будет на приеме?

– Нет. Он сейчас находится в Австралии, куда улетел со своей молодой супругой. Катается на этих досках и живет на берегу в ожидании подходящего океанского прибора.

– Очевидно, он так поступает не без воздействия молодой супруги, – понял Дронго.

– Я тоже так думаю. Тем более что ее мать из Австралии. Хотя, если совсем откровенно, отец терпеть не может всех этих Крегеров и не любит бывать у моей старшей сестры. А вот моего неразумного мужа он любил гораздо больше. Очевидно, случаются и такие странные отношения. Я развожусь со своим мужем, к которому не без симпатии относился мой отец, а Анна празднует юбилей матери своего мужа, который явно несимпатичен моему отцу.

– Я могу узнать причину?

– Причины никакой нет. Она иррационального свойства. Все, что ему не нравится в Германе, нравится в моем муже. И наоборот. Все, что не нравится в моем бывшем супруге, почему-то импонирует в Германе. Хотя его семью отец никогда особенно не любил.

– Как зовут мать Германа?

– Марта Крегер, а ее сестру – Сюзанна Крегер. Такие обычные немецкие имена. Хотя на самом деле первая «е» пишется с двумя точками над буквой. Но в русском алфавите сейчас эта буква просто умирает, а вместо нее пишется обычное «е».

– Вы слишком строго подходите к разного рода изменениям в алфавите, – заметил Дронго, – даже для филолога. В эпохи потрясений появляются различные версии, изменения, даже сомнения.

– На самом деле мне абсолютно все равно, как именно будет звучать их фамилия. На русском или немецком, – призналась Эмма.

– Вы их не любите, – решил Дронго.

– Я их боюсь, – призналась она.

Официант принес несколько блюд и, расставив их на столике, быстро отошел.

– За ваше здоровье, – предложил Дронго, поднимая бокал.

Бокалы снова неслышно стукнулись.

– Кто будет на приеме, кроме вас? – спросил он.

– Анна, ее муж, их дочь. Мать мужа и ее сестра, – перечисляла Эмма. – Будут еще сестра Германа с мужем. И еще одна пара их друзей, прилетевшая из Киева. Арнольд Пастушенко и его жена. По-моему, все. Да, точно. Больше никого не будет.

– И поэтому вы считаете, что я должен быть на этом сугубо семейном празднике?

– Я буду одна, – напомнила Эмма, – без мужа и без отца. И мне показалось правильным, если я приглашу именно вас. Как своего друга. Если вы, конечно, не возражаете.

– Начиная думать, что мне действительно нужно отправиться туда вместе с вами, – признался Дронго.

– Спасибо, – она подняла свой бокал. – А теперь давайте выпьем за вас.

Бокалы соприкоснулись в третий раз.

– Есть еще какая-то причина вашего беспокойства, кроме душевной болезни родственницы вашей сестры? – спросил Дронго.

– Думаю, что есть, – призналась Эмма. – Эта женщина стала наследницей довольно крупного состояния, которое осталось ей от их двоюродной тетки. Она решила пожалеть свою родственницу и переписала на нее завещание. Речь идет о сумме в восемь или девять миллионов евро. А это очень большие деньги для душевнобольной женщины. Теперь вы меня понимаете?

– Вы можете дать точный адрес их дома в Потсдаме?

– Конечно. Но будет еще лучше, если я заеду за вами. Часам к шести. Пусть они думают, что я приехала туда с другом.

– Мне будет сложно, – предупредил Дронго, – я не знаю немецкого и не смогу понять большую часть ваших разговоров.

– Мы все говорим по-русски, – пояснила Эмма, – не забывайте, что почти все мы выходцы из бывшего Союза. Кроме мужа сестры Германа. Но он уже тоже начинает понимать русский язык, хотя и не очень хорошо говорит. Берндт Ширмер работает начальником отдела в берлинском отделении «Дойче Банка». Говорят, что он перспективный сотрудник, несмотря на свой относительно молодой возраст.

– А чем занимался ваш муж?

– Тоже работал в финансовой сфере, – нахмурилась Эмма. – Он вкладывал все имеющиеся у него свободные деньги в акции различных компаний и считал, что на этом он сможет заработать еще большие деньги. Вы знаете, когда мужчина зарабатывает деньги, это неплохо. Но когда мужчина все время думает только о деньгах, которые становятся смыслом его жизни, целью всех его помыслов, устремлений, надежд, – это печально. Наверно, есть женщины, для которых такой муж может быть почти идеальным. Но только не для меня. Я считала, что нельзя подчинять свою жизнь диктату бумажек, которые становятся для тебя главной ценностью в жизни. Кроме купюр, есть еще эмоциональная сфера отношений – любовь, секс, дружба, сочувствие, понимание.

– Многие с вами не согласятся, – сказал Дронго. – Сейчас традиционно считается, что обладатель большого количества таких разноцветных бумажек может купить любовь, секс,

дружбу, сочувствие и понимание. И еще здоровье, красоту, уважение. В общем, почти все, кроме бессмертия. Хотя говорят, что скоро можно будет купить и его.

– У меня может сложиться впечатление, что вы разделяете взгляды моего бывшего мужа, – усмехнулась Эмма.

– Не разделяю, – мрачно ответил Дронго, – по-прежнему не разделяю. Я точно знаю, что нельзя купить дружбу. И любовь происходит вопреки всему, даже вопреки всем этим разноцветным бумажкам. И наконец, кто может оценить, сколько стоит глаз вашего ребенка или его рука? В какую стоимость включаются ваши воспоминания о маме, которая так рано ушла? Хотя все это по большому счету только схоластический спор. Каждый сам определяет меру своего счастья и своего несчастья. И их цену.

Эмма молчала, очевидно, обдумывая его слова.

– Вы женаты? – неожиданно спросила она.

– Сначала вы приглашаете меня на ваш семейный праздник, потом заказываете столик в модном ресторане и только во время ужина задаете самый главный вопрос, – весело сказал Дронго.

– В Интернете ничего не сказано о вашей семье.

– Это самое лучшее, что может быть в Интернете, – пробормотал Дронго. – При моей профессии такая информация была бы не только лишней, но и опасной для моих близких.

– Значит, вы женаты? – поняла Эмма.

– И уже много лет, – ответил Дронго.

– Жаль, – неожиданно произнесла женщина. – Я бы хотела иметь рядом такого друга, как вы. И не только в качестве спутника на нашем семейном приеме. Но и в более близком качестве.

– Если я начну краснеть, скажите мне об этом, – попросил Дронго.

– Не начнете, – убежденно произнесла Эмма, – вы для этого слишком умный. Можете считать, что я сделала неудачную попытку пофлиртовать с вами. Кажется, несут нашу оленину. Так вы согласны завтра поехать вместе со мной?

– После таких комплиментов я просто обязан, – притворно вздохнул Дронго, – никуда не денешься.

Оба рассмеялись. Больше на эту тему они не говорили. Через два часа Эмма отвезла его в «Бристоль». На прощание Дронго поцеловал женщину в руку, и она грустно усмехнулась.

– Завтра в шесть я буду вас ждать, – добавил он, выходя из автомобиля.

Глава 3

Ночью он все-таки решил покопаться в Интернете и поискать сведения, какие можно найти на знакомых и родственников Эммы Вихерт. Поразительно, как много данных иногда можно найти в Интернете. Набираешь фамилию знакомого человека, и неожиданно появляется информация, что он был связан с преступными организациями и подозревался в мошенничестве. Сразу возникает статья с конкретным указанием на этого человека. Не зря Интернет называют паутиной. Она связывает людей друг с другом и выставляет на всеобщее обозрение их пороки, ошибки и просчеты, допущенные в жизни.

Семья Вихерт прибыла в Германию из Казахстана уже в новом веке, тогда как семья Крегеров оказалась в Германии в начале девяностых. Самая большая информация была на Берншта Ширмера и его банк. А про Арнольда Пастушенко говорилось о том, что он подозревался в валютных операциях еще в конце восьмидесятых. Причем тогда он работал в Киеве, а родился в Целинограде в Казахстане. Дронго отметил эту информацию, продолжая читать дальше. Нигде не было сказано о возможной болезни Сюзанны Крегер, которая лечилась в клинике для душевнобольных. Очевидно, кто-то из родственников внимательно следил за подобными сообщениями, появлявшимися на информационных сайтах. В эту ночь Дронго заснул намного позже обычного. Утром он принял горячий душ, побрился, оделся и спустился к завтраку. Ресторан выходил окнами на Курфюрстендамм, самую известную улицу Западного Берлина. Отсюда было удобно наблюдать за прохожими.

Он постарался закончить свои дела к половине шестого и вернулся в отель. Ему уже привезли заранее заказанный букет цветов, благо цветочный магазин был недалеко от отеля. В шесть часов вечера Дронго уже ждал Эмму, которая обещала за ним заехать. Минуты тянулись медленно, как обычно бывает в подобных случаях. В восемнадцать пятнадцать он нетерпеливо посмотрел на часы, а в восемнадцать двадцать достал телефон и набрал номер Эммы. Телефон был отключен. Дронго убрал мобильник в карман, продолжая сидеть на диване. В половине седьмого он решил, что нужно предпринять какие-то действия. Женщина не просто опаздывала, скорее всего, с ней что-то случилось.

Нужно вернуться в свой номер и попытаться найти адрес дома семьи Крегеров, проживающих в Потсдаме. Не хотелось думать, что с Эммой могло произойти что-то плохое. Но она не перезванивала Дронго, ее телефон упрямо молчал, и на часах было уже без двадцати пяти семь.

Он уже собирался подняться в свой номер, чтобы уточнить адрес семьи родственников Эммы, когда она с виноватым видом появилась в холле отеля. Он поднялся, шагнул к ней. Женщина опоздала ровно на сорок минут. Дронго выразительно смотрел на нее.

– Извините, – жалобно пробормотала Эмма, – у меня телефон упал в реку, и я пыталась его достать. Поэтому и опоздала. Не могла вам перезвонить. Какой прекрасный букет! – быстро добавила женщина, не давая ему возможности что-либо сказать. – Это для меня?

– Нет, – ответил Дронго, – для свекрови вашей сестры. Вы говорили, что собираетесь на ее день рождения.

– Да, конечно. Какой вы внимательный! – восхитилась Эмма. – Только не обижайтесь, но у вас такое лицо, словно я опоздала на три дня.

– Вы опоздали на сорок минут, – сообщил Дронго. – Учитывая, что вы не позвонили, ждать было довольно утомительно.

– Я все понимаю и поэтому извинилась, – быстро произнесла Эмма. – И вы должны меня понять. Я ведь не нарочно это сделала. Представьте себе, что мы фотографировались с Анной, когда она случайно задела меня рукой, и телефон полетел вниз. Она сама так переживала. А я забыла номер вашего телефона, ведь он был записан именно в моем мобильнике. И вообще не

представляю, что мне теперь делать. Все мои контакты были в том телефоне, а память у меня дырявая, и я ничего не помню. Представляете, как мне теперь будет сложно!

– Ужасно, – согласился Дронго без тени иронии.

Эмма подозрительно взглянула на него:

– Вы издеваетесь?

– Нет. Пытаюсь осознать весь трагизм вашего положения без вашего мобильного. Иногда даже полезно бывает остаться в одиночестве без средств связи. Поверьте, что такие разгрузки нужно иногда себе позволять.

– Только не мне. Честное слово, я ужасно переживала и действительно хотела достать утонувший телефон. Целых полчаса мы пытались выудить его из воды, даже позвали какого-то парня, который согласился поискать за пятьдесят евро. Но он так ничего и не нашел.

– Мы будем стоять в холле или поедem к вашей сестре? – поинтересовался Дронго.

– Конечно, поедem. Просто я хотела объяснить, что именно со мной произошло. Спасибо, что вы меня дождались.

Дронго взял букет, и они прошли к ее автомобилю. Машина была заляпана грязью. Эмма с виноватым видом пожала плечами:

– Я торопилась сюда, боялась, что не успею.

Усевшись в автомобиль рядом с женщиной, он положил букет на заднее сиденье и пристегнулся.

– Я доехала к вам за двадцать минут, – призналась Эмма, – боялась, что вы уйдете. Представляю, сколько штрафов мне выпишут.

– Ваши родственники уже собрались?

– Конечно. Все уже в сборе. Нужно было видеть их лица, когда я сказала, что приеду к ним со своим новым другом. Это было подобно эффекту землетрясения. Они не могли мне поверить. Я еще не успела оформить развод с прежним мужем, как обзавелась любовником. Представляете, что они обо мне думали?

– Могу себе представить, – пробормотал Дронго. – И тем не менее вы решили взять меня с собой.

– Я подумала, что так будет правильно, – призналась Эмма. – Или вы уже пожалели, что решили связаться с такой взбалмошной особой, как я?

– Пока нет. Но если вы будете опаздывать на сорок минут и терять свои телефоны, то я могу подумать, что вы просто решили испытать мою нервную систему.

– Я уже извинилась, – напомнила женщина.

– А я уже сел в машину, приняв ваши извинения, – ответил Дронго.

Оба улыбнулись.

– Как получилось, что ваша сестра умудрилась выбить у вас из рук телефон? – поинтересовался Дронго.

– Мы делали снимки на мой мобильник, – пояснила Эмма. – Анна нервничала с самого утра. У нее напряженные отношения со свекровью, как это обычно бывает. Конечно, Крегеры, которые переехали сюда довольно давно, мечтали о том, что их любимый сын женится на настоящей немке.

– А вашу сестру они не считают немкой? – спросил Дронго.

– Не совсем. Не забывайте, что у нас мама не немка, а потом мы приехали гораздо позже их и считаемся немцами третьей волны. Ну и вообще она хотела бы полностью оборвать все связи своей семьи с бывшими соотечественниками из Казахстана. Она родилась в тридцать седьмом, и их сослали в Казахстан, когда ей было только три года. Ее отца и дядю расстреляли, и, очевидно, эти воспоминания подсознательно на нее давят.

– Полагаю, что они давили бы на любого человека.

– Верно. Но не у всех такие сложности, как у них в семье. Ее сестра даже не помнит отца, которого расстреляли, когда ей было несколько месяцев. Это ужасно, расти всю жизнь с осознанием того, что в государстве, где ты живешь, твоего отца сочли врагом народа и убили. Мне всегда бывает жалко немцев, родившихся в двадцатые – тридцатые годы и живших тогда в Советском Союзе. Если всем остальным приходилось несладко, то можете себе представить, как сложно было немцам. Особенно в начале войны, когда слова «немец» и «фашист» стали синонимами, а Илья Эренбург тогда написал свою знаменитую статью «Убей немца». Я, конечно, понимаю чувства советских людей, на которых напали немцы. Мама говорила, что немцев ненавидели все ее родственники, и в доме был даже скандал, когда она хотела выйти замуж за моего отца. Хотя это были уже восьмидесятые годы и после войны прошло тридцать пять лет.

– Почти каждая советская семья потеряла кого-то во время войны, – напомнил Дронго. – Лично у меня погибли двое братьев моего отца. Он сам тоже воевал, будучи восемнадцатилетним офицером. Я думаю, вы не обидитесь, если я скажу, что мой отец до конца жизни не мог слышать немецкую речь. А умер он уже на девятом десятке лет. Эти сильные чувства неприятия всего того, что связано с немцами, сохранялись у многих фронтовиков до конца жизни, и с этим ничего нельзя было поделать.

– Я знаю, – кивнула Эмма, – даже наших ребят в школе иногда дразнили фашистами. Это в Казахстане, где обычно была самая интернациональная среда и в классах учились не только казахи, но и русские, украинцы, немцы, прибалты, в общем, полное смешение всех народов и национальностей. Но стереотипы восприятия немцев были еще сильны. Многие воспользовались ситуацией после объединения Германии и вернулись на свою историческую родину. В начале девяностых Германия стала единой страной, а СССР начал распадаться. Многие не хотели ждать лучшей жизни, бросали все нажитое и уезжали в Германию. Но все равно ужасно, когда я вспоминаю, как мучили немцев Поволжья, когда выселяли их в Северный Казахстан. Всех немцев объявили чуть ли не пособниками Гитлера и врагами народа. А ведь там было много достойных и порядочных людей. Этот сталинский режим был таким кровавым... – вздохнула Эмма.

– Не нужно мыслить так шаблонно, – посоветовал Дронго. – Это я говорю не в оправдание сталинских репрессий, когда убивали политических противников, фактически ни в чем не виноватых, только лишь за то, что они были не согласны с генеральной линией самого Сталина. Репрессиям подвергались не только немцы, но и многие другие народы, проживающие в нашей прежней стране. Но если говорить о переселении немцев в Казахстан, то стоит вспомнить о том, как после нападения японцев на американцев в Перл-Харборе один из самых популярных президентов Соединенных Штатов – известный демократ и либерал Франклин Рузвельт распорядился создавать специальные концентрационные лагеря, куда сгоняли всех граждан США японской национальности. У них отнимали имущество, дома, бизнес и отправляли в эти лагеря целыми семьями. Стариков, женщин, детей... Их единственная вина состояла в том, что они были японцами. И это происходило не при кровавом сталинском режиме, а при демократическом американском строе. Как видите, иногда суровая необходимость диктует свои правила даже в самых демократических странах.

Эмма искоса посмотрела на Дронго.

– Вы оправдываете преступления сталинского режима?

– Ни в коем случае. Но я считаю, что правда не может быть односторонней. Если вспоминать о депортации немцев в Северный Казахстан, то нужно вспоминать и о концентрационных лагерях для японцев – граждан США во время войны.

– Я не слышала про японцев, – призналась Эмма.

– Американцы живут по принципу «Моя страна всегда права», – пояснил Дронго, – а бывшие советские граждане жили по принципу «Моя страна всегда не права». Сотни и тысячи жур-

налистов специализировались на охаивании истории и политики своей собственной страны. Многие даже не понимали, к чему приведут их «разоблачения», часто тенденциозные и односторонние. Кончилось это распадом страны, которую так мордовали. Один из самых известных диссидентов – Владимир Максимов с горечью признался: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». Просто о многом потом не писали газеты. Когда бывшие диссиденты протестовали против политики односторонних уступок Москвы, когда даже Солженицын отказался получать орден из рук Ельцина, когда подобный демарш совершил и другой большой русский писатель, Юрий Бондарев, об этом просто не сообщали ни в России, ни в Казахстане, ни в Германии.

Они выехали на шоссе, ведущее к Потсдаму.

– Вы говорили, что, кроме ваших родственников, там будет еще одна пара, – вспомнил Дронго, – кажется, Арнольд Пастушенко и его супруга.

– Верно, – удивилась Эмма, – как хорошо вы запомнили. Это наши близкие друзья еще по прежней жизни в Казахстане. Арнольд учился с Анной в одном классе. Потом они расстались, он уехал поступать в Киевский институт международных отношений, а мы остались в Казахстане. Но связь поддерживали все время. И он тоже переехал сюда. У него вторая супруга – Леся Масаренко, они познакомились уже здесь. Ему тридцать два, а ей двадцать шесть. Они поженились в прошлом году.

– Я смотрел данные на Пастушенко, – признался Дронго, – там не очень приятная информация.

– О его валютных операциях, – тотчас откликнулась Эмма. – Ну, конечно, что там еще может быть. Он ведь уехал в Киев в конце девяностых. Можете себе представить, как ему было там трудно одному? У него, кроме двоюродной тети, никого не было. И они вместе с товарищем решили открыть пункт обмена валюты, не оформив нужные документы. Просто поставили столик в гостинице и стали обменивать деньги для иностранцев. Ну и, конечно, им не дали работать, ведь у них не было ни крыши, ни достойных покровителей. Арнольд мне сам рассказывал обо всем. И это закончилось тем, что его едва не посадили. Вернее, дали три года условно, и тогда он принял решение уехать из Киева. Сначала перебрался в Варшаву, а уже потом в Германию. Он приехал к нам восемь лет назад и появился такой... ободранный и несчастный. На первых порах мы ему даже помогали. А потом он женился на местной немке, открыл небольшой бар, начал богатеть, открыл магазин, развелся с женой, женился во второй раз и теперь уже является владельцем двух магазинов.

– Значит, деловой человек, – кивнул Дронго.

– Очень деловой и пробивной, – согласилась Эмма, – и он близкий друг нашей семьи. Он всегда помогает нам и помнит о том, как мы его приютили восемь лет назад.

– У них есть дети?

– Пока нет. Они только год как поженились.

– А у сестры Германа Крегера?

– Двое мальчиков. Хотя ей только тридцать пять, что, по немецким меркам, совсем немного. Она вышла замуж, когда ей было двадцать семь. Здесь так принято. У нас в тридцать лет уже чувствуешь себя старухой, а в Германии только начинают жить...

– Интересно, а как чувствуете себя вы? – неожиданно спросил Дронго.

– Глубокой старухой, – призналась Эмма. – Я думала, что после разрыва с мужем смогу обрести прежнее чувство независимости и свободы. Но похоже, что я только обманывала себя. Во мне все еще говорят советские гены. Или казахстанские, я даже не знаю, как правильно сказать. Только после разрыва с мужем начинает казаться, что жизнь уже кончена, ничего хорошего впереди меня не ждет и я закончу свою жизнь где-нибудь в богадельне.

– Не напрашивайтесь на комплимент. Вы великолепно выглядите, на вас оглядываются мужчины. По немецким меркам, вы совсем юная фрейлейн, у которой все еще впереди.

– Надеюсь, – улыбнулась она, – может, поэтому я вас и остановила в Баден-Бадене, чтобы обрести прежнее чувство уверенности. Мне показалось, что рядом с таким мужчиной, как вы, я буду чувствовать себя уверенно.

– А вы чувствовали в доме своей старшей сестры себя не очень уверенно, – понял Дронго.

– Не очень, – согласилась Эмма. – К тому же там большой дом, доставшийся семье Крегеров по наследству. Вы, наверно, знаете, что во время взятия Берлина Потсдам почти не пострадал. И поэтому там проходило знаменитое совещание трех лидеров победивших стран. Ну и, разумеется, там сохранилось много нетронутых домов, оставшихся с начала двадцатого века. Один из таких домов и достался Крегерам. Хотя моей сестре он никогда не нравился. Она говорила, что в нем водятся привидения.

– Как зовут сестру Германа?

– Мадлен. Мадлен Ширмер по мужу. Хотя говорят, что в Казахстане ее называли Машей. Но она сама в этом никогда не признается.

– А где их отец?

– Умер три года назад. Ему было уже за семьдесят. Кровоизлияние в мозг. Он был бывшим спортсменом, неплохо выглядел, но получил инсульт и через несколько дней скончался, не приходя в сознание. Говорят, что у спортсменов подобные вещи случаются. Не знаю. Но после его смерти Марта изменилась не в лучшую сторону. Хотя я ее понимаю. Потеряла мужа и повесила себе на шею свою безумную сестру.

– Сестра никогда не была замужем?

– Не была. Старая дева. Наверно, на этой почве и тронулась. Только не считайте меня циником. Я видела ее фотографии в молодости, она была довольно привлекательной девушкой. Но, видимо, не сложилось. А сейчас ей уже за шестьдесят, и думаю, что теперь уже не сложится никогда. Она не буйная, тихая, но иногда происходят срывы, о которых она предпочитает не вспоминать.

– И поэтому вы решили взять меня с собой? Считаете, что я могу быть специалистом и по душевнобольным?

– Не уверена. Просто хочу, чтобы вы были рядом. Разве это так много? Между прочим, еду они заказали в русском ресторане Потсдама, думаю, что будет вкусно. Ой, уже восьмой час, и мы опаздываем! Представляю, как будет злиться Марта.

Эмма прибавила скорости, сворачивая в Потсдам. Почти двадцать лет назад здесь стояли воинские части советского контингента, и Дронго приезжал сюда. С тех пор прошло много лет, и Потсдам неузнаваемо изменился. Хотя ландшафт остался прежним, и в парковых зонах по-прежнему отдыхали не только берлинцы, но и гости, прибывающие в столицу Германии со всего мира.

– Приехали, – сообщила Эмма, мягко останавливая машину. – Только учтите, что мы знакомы с вами уже десять лет и вы мой старый знакомый по Казахстану. В конце концов, это ведь правда.

– Они могут обратить внимание на нашу разницу в возрасте, – напомнил Дронго. – Вам тридцать, и по возрасту я гоюсь вам скорее в отцы, чем в друзья.

– А может, мне нравятся солидные холостяки намного старше меня, – предположила Эмма. – И вообще, перестаньте беспокоиться. Вы очень неплохо выглядите для своих лет. Подтянутый, не распускаете животик, следите за формой, почти не поседели.

– Зато полысел.

– Ничего. Это даже украшает мужчин. В общем, я представлю вас как своего друга. Только давайте без этой непонятной клички Дронго. Боюсь, что там просто не поймут, почему вас называют так же, как и птиц.

– Ничего, – ответил он, – можно просто Дронго. Меня обычно так называют.

– Хорошо, – согласилась Эмма, – пусть будет Дронго. Только скажите, что мы знакомы уже давно. Пойдемте. И не забудьте взять свой роскошный букет. Представляю, какое впечатление произведет он на Марту.

Дронго наклонился, чтобы достать букет. И услышал за спиной нетерпеливый голос:

– А раньше вы приехать не могли?

Глава 4

Они обернулись. Рядом стояла молодая женщина лет тридцати пяти. Короткая стрижка, выкрашенные в черный цвет волосы, недовольное лицо, длинный уточкой нос, маленькие глаза.

– Где ты была? – спросила по-немецки женщина. – Мы ждали тебя к шести часам, но Анна сказала, что ты поехала за своим другом в Берлин.

– Познакомьтесь, – представила своего спутника Эмма, – это господин Дронго, а это Мадлен Ширмер, сестра Германа.

Мадлен со строгим видом кивнула, не протягивая руки. Дронго церемонно поклонился. Мадлен осмотрела его с головы до ног, увидела роскошный букет цветов и ничего больше не сказала.

– Почему ты на улице? – спросила Эмма, переходя на русский.

– Жду Берндта, – недовольно ответила Мадлен, – он тоже опаздывает. Но в отличие от тебя у него были важные дела в банке, и он не мог раньше приехать. – Она упрямо говорила по-немецки.

– Я ездила в Берлин, – напомнила Эмма. Было понятно, что родственницы не очень любят друг друга.

– Идемте, господин Дронго, – предложила Эмма, направляясь к дому. Дронго пошел следом. – Какая дрянь! – сказала с чувством Эмма. – Она сама ждет своего банкира и из-за этого злится на нас. Вы видели, какие у нее злые глаза?

– Уже восьмой час, а муж не успевает на торжество к ее матери, – напомнил Дронго, – поэтому она и нервничает. Зять обязан быть более внимательным к своей теще.

– А он всегда такой. Холодный и расчетливый. Как все эти немцы, – с вызовом сказала Эмма. В ней явно бушевала кровь ее мамы.

Они подошли к массивному двухэтажному дому. Эмма позвонила. Ждать пришлось довольно долго, наконец дверь открылась. На пороге стояла женщина, похожая на Эмму. Только она была гораздо полнее, и волосы у нее были светлые. Очевидно, это была ее старшая сестра.

– Здравствуй, Эмма! – обрадовалась Анна. – Как хорошо, что вы так быстро приехали. Познакомь меня со своим другом.

– Это господин Дронго, о котором я тебе рассказывала, – сообщила Эмма, – а это моя старшая сестра Анна Крегер.

– Очень приятно. – Анна протянула руку, и Дронго, наклонившись, поцеловал ее руку.

Они оказались перед массивной лестницей. Но не стали подниматься вверх, а прошли направо, где у дверей их ждала пожилая женщина в темном платье, с аккуратно зачесанными седыми волосами. Мадлен была похожа на свою мать. Те же небольшие, глубоко запавшие глаза, такой же нос уточкой. Она строго посмотрела на пришедших.

– Вы опоздали, – по-русски она говорила гораздо лучше дочери. Сказывалась проведенная в бывшем Союзе большая часть жизни.

– Извините нас, – скороговоркой произнесла Эмма, – я ездила в Берлин за своим другом. Это фрау Марта, а это господин Дронго, мой старый знакомый.

Дронго протянул букет цветов.

– Рад вас поздравить.

– Спасибо, – сухо ответила Марта, забирая цветы, – проходите в комнату. Мы ждем моего зятя и скоро сядем за стол.

В просторной гостиной на первом этаже собрались гости. Эмма подвела Дронго к невысокому мужчине, который стоял у окна.

– Это Герман, муж моей сестры, – пояснила Эмма, – а это господин Дронго.

Герман был похож на мать и на сестру. Только глаза у него были совсем другими. Он протянул руку:

– Рад вас видеть, господин Дронго. Спасибо, что пришли к нам в такой день. Мы вам очень рады.

Эмма подвела гостя к мужчине, говорившему по телефону. Он был высокого роста, с длинной шеей, светлыми, словно бесцветными, глазами, уже начинающий лысеть. Это был Арнольд Пастушенко. Увидев подходивших, он убрал телефон в карман.

– Ты изумительно выглядишь, Эммочка, – сказал Арнольд, целуя молодую женщину. – А вот Леся что-то хандрит. У нее сегодня плохое настроение.

Стоявшая рядом Леся кивнула в знак приветствия. Она была такого же высокого роста, как Арнольд. Натуральная шатенка, она перекрашивалась в блондинку, и это было довольно заметно. Одета в брючный костюм темно-фиолетового цвета. Несмотря на свою молодость, она выглядела гораздо старше своих лет.

В глубине комнаты сидела женщина, казалось, погруженная в свои мысли. Она тоже была в темном платье, но волосы у нее были выкрашены в черный цвет. Дронго в который раз убедился, что кардинально черный цвет сильно старит женщину. Это была тетя Сюзанна. Она вяло кивнула гостям, даже не выслушав их приветствия.

– Кажется, Берндт решил проигнорировать юбилей своей тещи, – весело предположил Арнольд.

Из соседней комнаты выбежала девочка. Это была внучка именинницы и дочь Анны. Она подбежала к Эмме, которая, наклонившись, поцеловала ее. Девочка была высокая, полноватая, одетая в светлое платье. У нее были светлые волосы и темные глаза.

– Когда мы сядем за стол? – поинтересовалась девочка.

– Успокойся, Ева, – одернула ее мать. – Ты же видишь, что мы все ждем дядю Берндта и тетю Мадлен.

– Сколько мы будем ждать? – нетерпеливо спросила Ева.

– Недолго, – ответила Анна.

– Столько, сколько нужно, – строго произнесла Марта, входя в гостиную. – Берндт занятой человек, и он заранее предупредил нас, что сегодня опоздает. У них в банке проводится какая-то важная встреча.

– Да, он очень занятой человек, – не скрывая иронии, пробормотал Пастушенко, – и мы все будем ждать, когда наконец он соизволит здесь появиться.

– Не нужно шутить, молодой человек, – ледяным голосом произнесла Марта.

– Мы ждем Берндта? – подала голос ее сестра.

– Да, – ответила Марта, обернувшись к младшей сестре Сюзанне, – мы ждем Берндта и Мадлен. Ты что-то хочешь?

– Нет, – ответила Сюзанна, – мне ничего не нужно.

– Может, мы пока сядем за стол и просто побеседуем? – предложил Герман.

– Я уже сказала, что мы не должны торопиться, – напомнила его мать. – Это будет неправильно по отношению к Берндту. Я думаю, что не следует забывать, сколько он сделал для нашей семьи.

– Поэтому мы должны принимать его дома каждый день? – поинтересовался Герман. – И еще не забывать благодарить нашего благодетеля?

– Он всего лишь профессиональный банкир, – возразила мать, – в отличие от остальных, которые не всегда хорошо делают свое дело.

– Вы говорите обо мне? – явно обиделась Анна.

– Во всяком случае, хороших работников так часто не выгоняют, – жестко ответила Марта.

Анна вспыхнула, хотела что-то сказать, но промолчала.

– Зачем вы так говорите? – вступилась за сестру Эмма. – Вы же прекрасно знаете, что у них в организации было общее сокращение и их предприятие закрывается.

– Не нужно, Эмма, – попросила Анна.

– Но это правда, – настаивала Эмма. – С предыдущего места работы она ушла из-за девочки, чтобы проводить больше времени с ребенком.

– Для каждого промаха легко можно найти любое оправдание, – парировала Марта. – Давайте закончим эту тему. Я говорила о своем зяте и считаю правильным обратить внимание всех присутствующих на успехи этого молодого человека.

Анна отвернулась. Было заметно, что она с трудом сдерживает слезы.

– Я позвоню Берндту и узнаю, где он пропадает, – решил Пастушенко, доставая телефон. В этот момент в дверь позвонили.

– Вот он и приехал, – кивнула Марта, посмотрев на свою невестку.

– Не надо выходить, Аня, – предложила Эмма, – я сама открою дверь. – Она выбежала из комнаты. Послышались ее торопливые шаги в коридоре.

Герман подошел к матери и что-то негромко сказал, очевидно, по-немецки. Она так же негромко ответила. Леся, наклонившись к мужу, что-то прошептала. Все услышали, как открылась дверь, потом были слышны женские голоса. Через минуту в гостиной появились Эмма и поднявшаяся с ней Мадлен.

– А где твой муж? – ровным голосом спросила Марта.

– Он задерживается, – пояснила Мадлен. – Позвонил и попросил нас уже садиться за стол. Он придет минут через сорок.

Марта нахмурилась.

– Он опять опаздывает? – спросила Сюзанна.

– Да-да, но он скоро будет, – нервно произнесла ее старшая сестра. – Давайте действительно сядем. Герман, приглашай гостей к столу. Я думаю, что мы можем наконец начинать.

Она села во главе стола. Справа от нее разместилась ее сестра, которую подвела к столу Мадлен. Она же и села рядом с тетей, оставив следующее место для своего супруга. С левой стороны от хозяйки дома сели Герман и Анна. Рядом устроилась их дочь. Дальше сели Эмма и сам Дронго. Напротив разместилась семейная чета Пастушенко.

– Калерия Яковлевна, мы собираемся начинать праздновать! – крикнул Герман, обращаясь, очевидно, к женщине, находившейся в соседней комнате-столовой, примыкающей к кухне. Оттуда неторопливо вышла пожилая полная женщина, которая несла поднос с тарелками. Подойдя к столу, она начала расставлять их.

– Мы заказали все в русском ресторане, – сообщил Герман.

– Ты мог бы этого не говорить, – заметила мать. – Мы прекрасно знаем, где вы обычно заказываете еду и питаетесь в этих ресторанах. Вы никак не можете отказаться от этих дурных привычек.

Анна тяжело вздохнула, но ничего не сказала. Ее дочь громко спросила:

– У кого дурные привычки? Почему бабушка так говорит?

– Я говорю, что нужно приучать себя к хорошей немецкой пище, если вы живете в Германии, – пояснила Марта, – а тебе пора уже говорить по-немецки. Тебе будет трудно жить в Германии, если ты будешь все время говорить по-русски и любить только русскую еду.

– Лучше есть немецкие сосиски с капустой? – ядовито поинтересовалась Эмма.

– Не нужно иронизировать, – поморщилась Марта. – Вы должны понимать, что нельзя все время жить одними воспоминаниями. Это касается не только моих детей, но и всех присутствующих.

– А мне нравятся немецкие сосиски с капустой, – с вызовом произнесла Мадлен, – и не нравятся русский борщ и ваши котлеты.

– Это украинские котлеты по-киевски, – вставил ее брат, – и не будем препираться.

– Препираются твоя жена и ее сестра, – ядовито сказала Мадлен. – И вообще лучше бы они помолчали, чтобы никого не раздражать.

– А тебе не нравится ужин, который мы заказали? – не выдержала Анна. – Может, нам лучше все выбросить и заказать еду в соседней пивной? Такие чудесные сосиски с тушеной капустой. Или свиную рульку. Тебе как раз нужно кушать свинину, чтобы поправиться. А может, нам еще принесут пива?

– Какое пиво? – спросила Сюзанна. – Почему вы все время спорите?

– Они живут в Германии и презирают немцев, – зло пояснила Мадлен. – Вот так, тетя Сюзанна, и происходит. Тебе тоже полезно знать об этих родственниках, которые так не любят все немецкое.

– Перестань, Мадлен, – поморщился ее муж, – это уже переходит всякие границы.

– Это твои родственницы переходят всякие границы, – огрызнулась сестра.

– Давайте наконец откроем бутылки и выпьем за здоровье нашей юбилярши, – вмешался Пастушенко, понявший, что этот спор может закончиться большим скандалом.

Он начал открывать бутылку. Мадлен отвернулась. Герман нахмурился. Их мать сурово обвела всех взглядом и спросила у Дронго:

– Насколько я поняла, вы югослав или итальянец? У вас такое необычное имя.

– Меня обычно так называют, – сообщил он.

– А чем вы занимаетесь? Тоже филолог, как Эмма?

– Нет, я работаю экспертом-аналитиком.

– Он финансовый аналитик, – вставил Пастушенко, – сейчас это самая модная профессия.

Дронго не стал возражать. Пастушенко наконец справился с бутылкой и, поднявшись, начал разливать вино.

– Я буду виски, – предупредила Мадлен.

– Как тебе не стыдно, – притворно вздохнул Пастушенко, – это настоящее немецкое вино. Ты столько говорила о любви к этой стране.

– Я буду виски, – упрямо повторила Мадлен, повышая голос.

– Как тебе будет угодно. – Он разлил вино по остальным бокалам. Наливая Сюзанне, взглянул на ее старшую сестру.

– Можно?

– Нельзя, – возразила Марта. – Алкоголь несовместим с ее лекарствами.

– А я люблю немецкое белое вино, – неожиданно сказала Сюзанна, дотрагиваясь до бокала.

– Тебе нельзя много пить, – отодвинула бокал Марта.

– Я хочу попробовать, – жалобно произнесла Сюзанна.

– Тебе лучше не увлекаться спиртным, – предупредила Марта.

– Только попробовать, – повторила Сюзанна.

– Хорошо, – согласилась Марта, – пригуби.

Пастушенко, обходя стол, прошел мимо Евы.

– А мне не налили, – надула губы девочка.

– Тебе нельзя, – сказал Пастушенко. – Но вместо вина я налью тебе пепси-колу.

– Не хочу пепси-колу, – закапризничала Ева, – хочу попробовать этого вина.

– Нельзя, – одернула ее мать, – тебе же сказали, что нельзя.

Пастушенко закончил обходить стол и поднял свой бокал.

– За нашу дорогую тетю Марту, – провозгласил он. – Ой, простите, за фрау Марту, которая, несмотря на свои годы, сохраняет стройную фигуру, ясность мыслей и темперамент.

Марта улыбнулась. Было заметно, как ей приятны эти слова.

– За тебя, мамочка, – подняла бокал Мадлен.

– Ты у нас самая умная и самая красивая, – поддержала ее Сюзанна.

– За твое здоровье, – сказал Герман.

– За вас, фрау Марта, – поддержала его Анна.

Марта благосклонно кивнула. Сюзанна попробовала вино и поставила бокал на столик.

– Не нужно было этого делать, – строго сказала младшей сестре Марта.

Та виновато опустила голову и ничего не сказала.

– Давайте, наконец, есть, – громко предложила Леся, – иначе мы сойдем с ума от голода.

Я не ела с самого утра.

Застучали ножи и вилки. Калерия Яковлевна принесла новую порцию различных блюд.

– Очень вкусно, – похвалила Сюзанна.

– Это ресторанная еда, – заметила ее старшая сестра, – не нужно говорить, когда не знаешь.

– Ничего особенного, – скривила губы Мадлен, – обычная русская еда. Все эти столичные салаты, винегреты и селедка под шубой. Никогда не понимала, почему селедку с картошкой называют селедкой под шубой. Наверно, в этом есть какой-то непонятный смысл.

– Можно подумать, что ты не жила в Казахстане и не знаешь, что это такое, – снова не удержалась Эмма. – Первую половину жизни ты жила там.

– Я была школьницей, когда мы сюда переехали, – заметила Мадлен, – в отличие от вас. Вот ты действительно большую часть жизни прожила в Казахстане. И, наверное, твое любимое блюдо – это их бешбармак или какая-нибудь голова быка.

– У них замечательно отваривали головы баранов, – вспомнил Арнольд Пастушенко, – и еще я очень любил внутренности баранов. – Почки, печень... Это был такой потрясающий деликатес.

– Ты с ума сошел, – поморщилась его супруга. – Какие внутренности барана? Только этого не хватало. Неужели можно есть такую гадость?

– Этому его научили живущие в Казахстане турки-месхетинцы, – вспомнила Анна. – Я тоже думала, что это ужасно, но когда в первый раз попробовала – мне понравилось. Они как-то странно называли эту еду.

– Джыз-быз, – напомнил Пастушенко, – турки и азербайджанцы называли ее именно так. Я как-нибудь специально для Леси приготовлю эту еду, чтобы она попробовала.

– Никогда в жизни, – возмутилась Леся, – только этого не хватало. Есть такую гадость. Ни в коем случае.

– Ты ничего не понимаешь, – махнул рукой Арнольд, – когда попробуешь, тогда поймешь. Раздался телефонный звонок, и Мадлен достала телефон.

– Он подъезжает, – сообщила она матери, – минут через десять будет здесь. Как раз успеет к горячему.

– Калерия Яковлевна, не торопитесь с горячим, – крикнул Герман, – подайте его минут через пятнадцать!

– Я так люблю эти котлеты по-киевски, – неожиданно произнесла Сюзанна, – как воспоминание о нашей совместной поездке в Москву. Ты помнишь, Марта, как мы тогда вместе ездили в Москву?

– Не помню, – нахмурилась Марта, – это было очень давно. Столько лет с тех пор прошло. И эти котлеты совсем другие. Не такие, какие были раньше. Неужели ты этого не понимаешь?

Сюзанна часто заморгала. Было заметно, как ей обидно слышать эти слова.

– Настоящая мегера, – шепнула Эмма Дронго, наклонившись к нему. – Я начинаю жалеть, что вообще привезла вас сюда.

– Ничего, – сказал он, – мне даже интересно.

– Почему вы не рассказали им, какой именно вы эксперт? – поинтересовалась Эмма.

– Зачем? Здесь многим неинтересно слушать других. Они слушают и слышат только себя. Я подумал, что мне лучше просто промолчать.

– Слушают и слышат только себя, – повторила Эмма. – Вы даже не представляете, как вы правы.

Она не успела договорить, когда в дверь позвонили. Анна взглянула на Мадлен.

– Я думаю, что будет правильно, если ты сама пойдешь открывать дверь, – предложила она.

Мадлен, не сказав ни слова, поднялась и молча вышла из гостиной. Послышался шум открываемой двери.

– К нам опять приехали гости? – спросила Сюзанна.

– Это Берндт, – объяснила Марта, – муж Мадлен. Он вчера у нас был.

Никто из сидевших за столом не мог предположить, что появление Берндта Ширмера было последним актом перед трагедией, которая должна была здесь разыгаться.

Глава 5

Берндт вошел в комнату, улыбаясь и радостно приветствуя собравшихся. Подошел к своей теще и поцеловал ее в щеку. Вежливо кивнул Сюзанне. Церемонно поздоровался с Анной, поцеловал в голову Еву. С мужчинами обменялся крепкими рукопожатиями. Это был типичный западноевропейский банкир. Среднего роста, модно постриженный, в великолепном темном костюме в тонкую полоску, галстук был повязан двойным американским узлом. Открытое, дружелюбное лицо, хорошая улыбка. Усевшись рядом со своей супругой, Берндт сразу поднял бокал и выпил за здоровье тещи. Она благосклонно кивнула. Казалось, что с его приходом мрачная обстановка дома развеялась и присутствующие стали относиться друг к другу гораздо терпимее.

Берндт плохо говорил по-русски, с большим акцентом. Но, учитывая обстановку, он говорил именно по-русски, чтобы его все поняли. Хотя было очевидно, что русский язык ему давался с трудом.

– Говорите по-немецки, – предложил Арнольд, – мы все понимаем.

– Он специально говорит по-русски, – пояснила Мадлен, – собирается поехать в Россию генеральным представителем «Дойче Банка», и поэтому совершенствует свой язык. Не беспокойтесь, он уже неплохо его выучил.

– Я стараюсь говорить много, чтобы лучше знать язык, – добавил Берндт. – Всегда полезно изучать языки и знать такой язык, как ваш русский.

– Между прочим, я не русский, – сообщил Пастушенко, – по отцу я украинец, а по матери чуваш. И жил всю жизнь в Казахстане, а потом на Украине. Поэтому к русским не имею никакого отношения. Вот у Леси мама русская, а у Анны с Эммой мама была наполовину русской. Просто вы, немцы, привыкли называть нас всех «русскими» без разбора.

– Наверно, вы правы, – вежливо согласился Берндт, – но таковы стереотипы восприятия всех бывших советских людей, которых на Западе традиционно называли «русскими».

– Карелия Яковлевна, мы все в сборе! – крикнул Герман.

– Сейчас несу, – сообщила она из кухни и через минуту уже появилась с очередными тарелками.

– Я помогу ей, – поднялась Анна и прошла на кухню.

На горячее подавали пожарские котлеты, запеченную рыбу и грудинку молодого ягненка, фаршированную грибами, луком, чесноком и кишмишем. Берндт от удовольствия не удержался от восторженного восклицания. Арнольд в знак согласия кивнул:

– Все сделано отлично.

– И мне понравилось, – неожиданно подала голос Сюзанна.

– Тебе вредно есть много мяса, – одернула ее старшая сестра. – И вообще на твоём месте я бы следила за соблюдением диеты.

– Я только попробовала, – возразила младшая сестра.

– Все равно не нужно так увлекаться, – голосом учительницы произнесла Марта.

– И мне тоже очень понравилось, – снова не удержалась Эмма. – Так вкусно. Спасибо Анне и Герману за то, что они организовали для нас такой стол. Только, тетя Марта, вы не говорите, что мне тоже пора садиться на диету.

Многие из присутствующих начали улыбаться. Даже Берндт оценил эту шутку. А вот его супруга нахмурилась и ничего не сказала. Марта тоже никак не отреагировала на эту шутку.

Герман пытался сдержаться, чтобы не рассмеяться, но тоже не выдержал и прыснул от смеха под неодобрительные взгляды своей матери и сестры.

Калерия Яковлевна вносила последние блюда из меню. Настроение у собравшихся было гораздо лучше, чем в начале ужина.

– Давайте выпьем за ваших детей, – предложил Арнольд Пастушенко. – Вы счастливый человек, фрау Марта. У вас двое мальчиков и две девочки. Я имею в виду не только ваших родных детей, Германа и Мадлен, но и Берндта с Анной, тоже ставших вашими детьми. И, конечно, трое ваших внуков, которыми вы можете гордиться. За ваших детей и внуков, дорогая фрау Марта!

Наверно, в другом сочетании хозяйке дома не могло понравиться сравнение ее родных детей с Анной. Но Берндта она готова была терпеть, не прибавляя туда Анны. Тем не менее она в знак согласия кивнула и подняла бокал вместе со всеми.

Пастушенко явно солировал, хотя никто его не выбирал тамадой. Следующий тост был за Сюзанну, младшую сестру юбилярши, которую она так любит и опекает. Марта еще раз одернула Сюзанну, когда та попыталась что-то добавить.

– Они все время живут вместе? – уточнил Дронго, наклоняясь к Эмме.

– Да, втроем.

– Почему втроем?

– Марта, ее сестра и Калерия Яковлевна, – тихо пояснила Эмма. – Никто другой, кроме Калерии, здесь бы долго не продержался. Она плохо слышит и настолько флегматична, что может выдержать эту старую сволочь.

– Кажется, кроме дочери и зятя, ее здесь никто не любит, – шепотом заметил Дронго.

– Это большое преувеличение, – сдерживая смех, сказала Эмма. – Они ее тоже не очень любят. Ее вообще никто по большому счету не любит. Даже ее собственные внуки.

Марта, словно услышав ее слова, подняла свой бокал. Обвела всех долгим взглядом. У этой женщины был острый взгляд и твердый характер. Дронго подумал, что ее не могут любить все собравшиеся. Марта посмотрела и на него.

– Я хочу вас всех поблагодарить за то, что вы решили приехать ко мне, – строго сказала она. – Спасибо Герману, который привез свою семью из Кельна, спасибо Берндту, который нашел время навестить меня вместе с Мадлен. Спасибо всем остальным, которые решили здесь собраться.

– Обратите внимание, – прошептала Эмма, – кроме своего сына и дочери, она назвала только своего любимого зятя. У этой дамочки железный характер.

– Я уже понял про их напряженные отношения с невесткой, – сказал Дронго. – Судя по всему, вашей сестре повезло, что она живет от свекрови на некотором расстоянии.

– Расстояние слишком короткое, – со вздохом сказала Эмма, – только четыре часа на железнодорожном экспрессе, которое очень быстро преодолевается в случае необходимости.

– Зачем вы меня сюда позвали? – спросил Дронго.

– Мне важно, чтобы вы были со мной. Не знаю, почему, но я не хотела сегодня сидеть здесь одна. Представляю, сколько язвительных замечаний я бы услышала от Марты, если бы появилась одна. Она и так все время доводит мою сестру замечаниями из-за того, что мы не можем ужиться с местными немцами. При этом себя она считает стопроцентной немкой, словно она родилась здесь, а не в Советском Союзе.

– В таком случае вы нашли плохого кавалера, – возразил Дронго. – Я вообще не немец и не европеец. Хотя они считают меня то ли итальянцем, то ли югославом.

– Это из-за вашего необычного имени, – сказала Эмма. – А вообще вы действительно очень похожи на итальянца. Разве вам об этом не говорили?

– Много раз, – признался Дронго, – очевидно, потому, что у меня жена итальянка. Наверно, со временем мы становимся похожими друг на друга.

– Итальянец даже лучше немца, – призналась Эмма, очаровательно улыбнувшись. – Во всяком случае, вы производите очень хорошее впечатление. Солидный мужчина в возрасте, который решил стать моим другом. Совсем неплохо для опровержения теории Марты о том, что женщины из нашей семьи не умеют ладить с европейцами.

– И только поэтому вы меня сюда позвали? – недоверчиво спросил Дронго.

– Не только, – ответила Эмма. – Мне нужно было почувствовать себя в безопасности. Каждый раз, когда я прихожу в этот дом, я ощущаю себя как-то странно. Говорят, что в тридцатые годы здесь была явочная квартира гестапо. Но после войны этот уцелевший дом достался родственнице Марты. Через шестнадцать лет после войны она поехала навестить своих друзей в Западном Берлине и осталась у них ночевать. А вернуться уже не смогла – вокруг начали возводить стену, которая разделила город и не позволила ей попасть обратно домой. Она осталась в Западном Берлине на целых двадцать восемь лет, а ее бесхозный дом достался агентам «Штази», которые тоже устроили здесь свою явочную квартиру. Вот такой невероятный парадокс. В тридцатые годы здесь работали гестаповцы, а в шестидесятые-восемидесятые – агенты «Штази». Ну а потом дом вернули владелице, и она, умирая, завещала его своим родственникам. Вот так Марта оказалась владелицей этого странного дома. Ведь до этого они жили с сестрой в небольшой квартире на окраине Кельна. А уже потом переехали сюда.

Пастушенко поднял свой очередной тост за присутствующих женщин и предложил мужчинам выпить стоя. Все мужчины поднялись. После последнего тоста начали убирать со стола, и Калерия Яковлевна объявила, что скоро принесет торт и кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.